

что перевод Библии, сделанный в IX ст., на языке, которым тогда говорили в Болгарии и Македонии, до сих пор в общем понятен даже русскому простолюдину. Грамматические формы и конструкции фраз этого перевода совершенно различны от теперешних; но корни слов и даже значительное количество слов — те же, которые были в употреблении тысячу лет тому назад.

Должно, впрочем, сказать, что даже в этот ранний период язык русских славян достиг уже высокой степени совершенства. Очень немногие слова евангельского текста сохранены по-гречески, причем это обыкновенно названия предметов, неизвестных южным славянам; но в то же время ни одно из отвлеченных понятий и ни один из поэтических образов оригинала не подверглись искажению, и переводчики нашли для них надлежащие выражения. Многие выражения перевода отличаются поразительной красотой и сохранили эту красоту до настоящего времени. Каждому памятно, например, затруднения, которые испытывал ученый доктор Фауст, в бессмертной трагедии Гете, при переводе фразы: «В начале было Слово». «Слово» — *Das Wort* — в современном германском языке показалось доктору Фаусту чересчур низменным для выражения идеи: «Бог был Слово». Но «Слово» в старославянском переводе, помимо своего коренного значения, заключало гораздо более глубокий смысл, чем немецкое «*Das Wort*». Оно отчасти сохранило его и до настоящего времени; в старославянском же языке в понятие «Слово» включалось также понятие о «Разуме» — немецкий «*Vernunft*», и вследствие этого оно давало читателю идею достаточно глубокую, чтобы во второй части евангельского стиха не чувствовать противоречия.

Я глубоко сожалею, что не могу дать английским читателям понятия о красоте и строении русского языка, который был в употреблении в начале одиннадцатого века на севере России и образчик которого сохранился в проповеди новгородского епископа (1035 г.). Короткие предложения этой проповеди, рассчитанные на понимание их новообращенною паствою, поистине прекрасны; в то же время христианское мировоззрение епископа, вполне свободное от византийского гностицизма, очень характерно и до сих пор понимается массой русского народа.

В настоящее время русский язык (великорусский) в замечательной степени свободен от провинциальных поднаречий (*patois*). Малорусский или украинский, являющийся языком почти пятнадцатимиллионного народа и обладающий собственной литературой (как народной, так и литературой в собственном смысле этого слова), несомненно, представляет отдельный язык, в той же степени, как норвежский или датский отделены от шведского или португальский и каталонский отделены от кастильского или испанского. Белорусский, которым говорят в некоторых губерниях западной России, также необходимо рассматривать как отдельную ветвь русского языка, а не как местное наречие. Что же касается великорусского, или русского, то им говорит компактная масса почти 80 000 000 населения из северной, центральной, восточной и южной России, а также на Северном Кавказе и в Сибири. Произношение слегка разнится в различных частях этой огромной территории; но все же литературный язык Пушкина, Гоголя, Тургенева и Толстого понятен всей этой огромной массе народа. Русские классики расходятся по деревням в миллионах экземпляров, и когда, несколько лет тому назад, истекли права издателей на сочинения Пушкина (50 лет спустя после его смерти), полные издания его сочинений — некоторые из них в 10-ти томах — были распроданы в сотнях тысяч экземпляров по невероятно низким ценам; в то же время отдельные издания его поэм, сказок и т. д. продаются теперь сотнями тысяч, по копейке и по 3 копейки за экземпляр, разносимые по деревням коробейниками. Даже полные издания сочинений Гоголя, Тургенева и Гончарова в 12-томных изданиях иногда расходились, в виде приложения к «Ниве», в количестве 200 000 экземпляров в течение одного года. Преимущества подобного интеллектуального единства нации вполне очевидны.

Ранняя народная литература: сказки. — песни. — былины.

Ранняя народная русская литература, которая лишь отчасти хранится в памяти крестьянского населения, отличается поразительным богатством и полна глубокого интереса. Ни одна западноевропейская нация не обладает таким поразительным богатством народного творчества, в форме преданий, сказок и лирических народных песен, — причем некоторые из них отличаются необыкновенной красотой, — и таким богатым циклом эпических песен, относящихся к седой древности. Конечно, все европейские нации когда-то обладали такими же богатствами народной литературы; но значительная часть их богатства была утрачена ранее, чем научные исследователи поняли их ценность и начали